

Российская газета. – 2010. – 3 февр.

О жизни и смерти

Швыдкой М.

150-й юбилей А.П.Чехова, к счастью, удалось отметить без пошлой торжественности (или торжественной пошлости..?). Были все подходящие случаю события: публикации в газетах и журналах, передачи и фильмы на радио и телевизионных каналах, торжественные вечера в библиотеках и театрах, среди которых надо особо отметить Московский художественный театр имени А. П. Чехова, международные симпозиумы и семинары и, наконец, - в качестве кульминации празднеств, - была встреча президента России Дмитрия Анатольевича Медведева с мировой театральной элитой в Таганроге, в здании гимназии, где учился юбиляр

Удивительным образом участники этих событий сумели не переступить некоей важной грани приличий и интеллигентности, подходящих данному случаю и особенно этому писателю. Пожалуй, в первый раз на моей памяти чествующие выдержали тональность торжества в духе и стиле чествуемого. И хотя Петер Штайн, сразивший нас в середине 80-х годов прошлого века своей театральной версией «Трех сестер», и начал свое выступление во время встречи с президентом с того, что Чехов, наверное, был бы смущен и раздосадован, а может быть, и хохотал бы над тем, как всенародно отмечают его день рождения, - тем не менее он довольно быстро ушел от этой темы, чтобы сказать о вещах, существенных для жизни и искусства

При этом важно понять, что впервые время проведения юбилея Чехова не предопределяло тех ограничений - по причине ли малой изученности или из-за цензурных запретов, - которые связывали свободу печатных и устных высказываний даже в 1985 году, в год его 125-летия, в последние предперестроечные месяцы. О Чехове - человеке, прозаике, драматурге, - за последние двадцать пять лет написали очень много интересного - как умно-глубокого, так и вызывающе-шокирующего. Опубликовали не только его неизвестные или ненапечатанные прежде письма, но и письма других великих и невеликих людей, к нему обращенные. Наконец, "грамотной" России стали доступны воспоминания и размышления тех, кто после октября 1917 года оказался в изгнании. Исследователи, похоже, изучили каждый день его жизни, каждую подробность его творческой биографии, историю болезни вплоть до поименного знания каждой туберкулезной палочки, приведшей его в могилу. Вместе с режиссерами и актерами ученые, как кажется, сумели истрактовать каждое слово его пьес, естественно, включая ремарки каждый знак препинания в его прозе, определить каждого безвестного героя его переписки. Нет запрета на любые невозможные прежде исследования: Чехов и ...Шпенглер, или Ницше, Фрейд, Беккет или Пинтер..

Столько интересных деталей и неожиданных ракурсов, столько нюансов и полутонов, что в какой-то момент стало казаться, что исчезает общий образ писателя, его человеческая и творческая целостность. Помните, как у Марселя Пруста, когда герой пытается запечатлеть красоту возлюбленной и приближает свой взгляд все ближе и ближе... И вот он видит только нос с ворсинками внутри, а потом край глазницы, наконец, доходит до пор кожи со странной растительностью и выделениями желез... И красота, которую так хотелось сохранить навсегда, - навсегда исчезает. Как на излете постимпрессионизма, когда страстное желание художника остановить мгновение приводило к потере, исчезновению материального мира на картине.

К счастью, юбилей Чехова заставил восстановить некую утрачиваемую целостность, заново прикоснуться к важнейшим смыслам его творчества и его жизни

Не знаю, как готовил Олег Табаков свое выступление на сцене МХТ в спектакле «Наш Чехов», но выглядело оно сиюминутной импровизацией, и тем дороже было то, что среди пер-

вых фраз он сказал: «Чехов был самый интеллигентный писатель России». Это утверждение могут оспаривать поклонники Иннокентия Анненского или Ивана Бунина, но необычайно важно, что слова «русский интеллигент», которые слишком часто в последнее время произносят чуть ли не с брезгливым презрением, в дни чеховского юбилея заново обретали свой первоначальный смысл. Русская интеллигенция, теснимая и в советскую, и в постсоветскую эпохи «образованщиной» (слово А.И. Солженицына), вовсе не принадлежит к племени разрушителей основ русской жизни. Она созидатель по природе своей. Что бы ни писали те пламенные публицисты, которые полагают, что Россию погубили Гоголь с Салтыковым-Щедриным, ну и, понятно, Достоевский, Толстой и Чехов, кого бы из классиков ни брали себе в союзники авторы, усматривающие во враче, учителе, инженере или литераторе потенциального террориста-максималиста, именно интеллигенция была и остается сообществом людей, которые способны сформулировать и озвучить боли и надежды народа, готовы противостоять хаосу бытия готовы учить, лечить, строить, совершать открытия, защищать Отечество, издавать книги и журналы, сочинять музыку, писать стихи, романы и пьесы и делать еще многое-многое другое, что прославило Россию во времени и пространстве. И, естественно, всегда рефлексировать по поводу содеянного, находясь в вечном конфликте с самими собой и окружающим миром. Постоянно иронизировать по поводу собственного несовершенства и недостаточной одаренности. Корить себя за то, что недостает сил предупредить слезу в глазах ребенка и даровать вселенскую гармонию человечеству.

Отличие образованных людей от людей интеллигентных определяется не объемом усвоенной информации, не профессиональным успехом, но наличием совести, которую каждый тоталитарный правитель не без основания считает своим смертельным врагом. Совесть, способности к состраданию, самоиронии и чувства меры. Юбилейные чеховские торжества заставили вернуться к первоначальному смыслу самого существования русской интеллигенции, ее исторической миссии и судьбе. Без обвинений и панегириков. Просто из-за постоянной необходимости понимать, зачем живем и зачем страдаем. И почему так хочется жить даже перед лицом смерти. Когда совершенно ясно, что «образованцы» в очередной раз угрожают надежды на любое возрождение России. И что русская интеллигенция вовсе не «говно», как считал В.И. Ленин и как продолжают сегодня считать многие его последователи, но плодоносящий социальный слой, который опасно истончился в России за минувшее столетие

А.М. Турков начинал свое исследование «Чехов и его время» (М., 2003 г.) цитатой из январской книжки лондонского «Колокола» за 1860 г.: без преувеличенных надежд и преувеличенных отчаяний входим мы в новое десятилетие...». Пророчески чеховская интонация, требующая соразмерности и деликатности действий даже перед лицом смерти. Он не любил преувеличенности, хотя прекрасно понимал, что, собственно, вся жизнь человеческая разворачивается между надеждой и отчаянием. Помните, в «Архиерее», герой которого и в последние свои дни ощущает, что «и в настоящем волнует все та же надежда на будущее, какая была и в детстве, и в академии, и за границей».

Мы наверное знаем, что умрем. Мы наверное знаем, что бессмертие для каждого из нас и для всех вместе не более чем прекраснотушная фигура речи. А потому важно не иметь преувеличенных надежд и не предаваться преувеличенным отчаяниям. Понимание конечности жизни не должно парализовать волю. Волю к жизни и творчеству. Это долг, миссия, проклятье и радость.